

Э. ЯНСОНАС:

— Летом этого года на страницах еженедельника «Литература и мыслы» мы с вами беседовали о вопросах, связанных с современной интерпретацией классики. В конце нашей беседы мы обещали вновь вернуться к этой вечной проблеме. Давайте поговорим сейчас о тех, кто воссоздает классику на сцене сегодня — об актерах: и давайте поговорим о молодых. В количественном отношении вопрос обновления трупп решается плохо — ежегодно наши театры пополняют 10—15 новых актеров, и этого прироста новых сил для наших пяти театров (я не считал Паневежский театр, который самостоятельно готовит актеров, и Русский драмтеатр, руководимый нами, т. е. до сих пор он пополнялся в основном за счет театральной периферии РСФСР) вполне хватало бы. Более того — «среднестатистический» молодой актер в скором времени активно включается в текущий репертуар, сначала только подменяя, а потом и заменяя своего старшего коллегу, получает новые центральные роли в новом репертуаре, даже более — группы новых актеров создают «свои» спектакли; в которых «старикам» делать нечего. Как яким, статистика фиксирует радужное положение в решении проблемы омоложения трупп. Однако почему же все-таки возникает ощущение какой-то внутренней неудовлетворенности существующим положением, почему столь много молодых так и остаются «подходящими надеждами», почему их юношеский задор и непосредственность никак не восполняют недостатков профессионального мастерства и идейного воспитания?

В. ЛАНСКОЙ:

— Я не думаю, что это чувство неудовлетворенности, о котором вы говорите, является столь уж сильным. Что мы говорим, а в театрах Литвы действительно много молодежи, на которую ориентируются как зрители (ведь они

среди молодежи уже имеют своих любимых актеров), так и режиссеры, выбирающие ту или иную пьесу «на актера», делают кино, постоянно пригласяющие наших молодых на киносудно, радио и телевидение, тоже не прочь воспользоваться услугами молодых (другое дело — насколько творчески интересны эти предложения). В нашем театре сегодня положение с молодежью действительно сложное — полтора года назад мы решили не брать больше одиошек из других театров, т. е. такие приглашения «варягов», «гастролеров» на один-два сезона, актеров — перекачать поле — не

му всей этой дискуссии не знаю. Знаю другое — работать в Литовской госконсерватории очень легко и интересно, (творчески, конечно) — ведь вы знаете, какая клетушка, требующая капитального ремонта или реконструкции, здесь называется Учебным театром, интересен и творчески мобилен педагогический коллектив. Но я думаю о другом — эти четыре года совместной работы со студентами дают возможность нам ближе познакомиться, проверить человеческие и творческие качества, взаимно обогащать друг друга. Для меня появление в театре молодого, творчески активного, духовно богатого актера или режиссера — это как манна небесная. Я твердо убежден, что актер — боец идеологического фронта, что театр — идеологический центр, а не коммерческое предприятие, где успех или неуспех спектакля определяется его кассовым сбором. Каждый спектакль, кроме того — это прикосновение к

тура, это кровопитательный труд и кристальной чистоты нравственность. Так вот, начиная нашу беседу, я и имел в виду, что есть много молодых актеров и все же мало молодых артистов. Ведь именно актеры являются соучастниками серьезных, бесцветных постановок, они — наравне с драматургами и режиссерами, а подчас и чаще — несут ответственность за провинциальность многих спектаклей — провинциальность как в масштабах решаемых проблем, так и в сфере их воплощения. Я сам слышала от отца одной актрисы, что дочь жалуется: «На этот спектакль идем как на каторгу». А ведь она — исполнительница одной из главных ролей. Так и хотелось бы спросить эту актрису: «Какого черта же вы идете на каторгу? Ведь и пьесу, и — потом — спектакль принимал художественный совет, значит — вы. Так почему молчали, почему не требовали снятия этого спектакля, его доработки и т. д.

РЕЖИССЕР ВИТАЛИЙ ЛАНСКОЙ И ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРИТИК ЭГМОНТ ЯНСОНАС

казывал Ганса Шмида из «Глаз клоуна» и Раскольников из «Преступления и наказания». Лишь через несколько лет он их сыграл на сцене. Мне очень хочется написать серию статей о жизни молодых актеров — о жизни во всех ее аспектах: роли, о которых они, актер, мечтал в вузе, и роли, которые он сыграл в театре; его отношение к делу, которому он служит, и отношение театра к нему; ученик и педагог — актер и режиссер; мечты и их воплощение или невыполнение; быт, наконец, и т. д. Одним словом, эстетика, этика, социология, фантазия и быт. Предложил одному изданию — отказались. Жаль...

В. ЛАНСКОЙ:

— Жаль, конечно, но вернемся к вопросу о жизнестойкости актера. Талантливый В. Рецеттер роль Гамлета готовил самостоятельно, потом показал режиссеру А. Михайлову, и тот в Ташкенте поставил специально для В. Рецеттера «Гамлета» — настолько это было интересно. А то бывает и так: заболел исполнитель главной роли в классической трагедии, роли, о которой могут мечтать лучшие артисты. Предлагаешь эту роль молодому актеру: «Яй! Мне!...» То ли радуется, то ли ошарашен — не поймешь. Но.

ТЕАТР — ИСКУССТВО ОБНОВЛЯЮЩЕЕСЯ

решение проблемы. С помощью ответственных работников республики (а мы с вами знаем, как отдел культуры ЦК Компартии Литвы, Министерство культуры заботится о наших театрах) и руководства Госконсерватории в прошлом году мы набрали курс на кафедре актерского мастерства, который через три года должен пополнить нашу труппу. Сейчас у меня двенадцать студентов-атороуриков, на которых мы все возлагаем определенные творческие надежды.

Э. ЯНСОНАС:

— Говню, как лет десять тому назад на страницах «Советской Литвы» я писал о необходимости влить в педагогический коллектив кафедры новые силы, пригласить режиссеров-профессионалов, которые готовили бы актеров «для себя», для своих театров. Это не было открытием, это результат выводов, наблюдений, практического опыта, накопленного за несколько лет работы в Москве. И помню, как в штаты была встречена эта статья на кафедре. Жизнь показала, что и критики не всегда ошибаются.

В. ЛАНСКОЙ:

— Может быть, и так. Я недавно в Вильнюсе, поэто-

тонким душевным струям, прикосновенье, которое идет через актера. Но на это он должен иметь право. А право это достигается профессиональностью, идейной законченностью, высоким интеллектом, подлинной интеллигентностью, общим уровнем культуры, наконец. Эстетическое воспитание (при эстетической воспитанности воспитателя) и гражданское биченье сердца — вот что сегодня может заставить запеть струны души зрителя. Многие наши актеры, еще недавно бывшие совсем молодыми — М. Е. Евадокимов, А. Владимиров, В. Гудин, В. Ефремов, — имеют право на диалог со зрителем. Я рад, что молодая актриса В. Лукьяненко быстро приближается к тому уровню мастерства, который сегодня удовлетворяет зрителя.

Э. ЯНСОНАС:

— Виталий Викторович, а вы заметили, что мы с вами в своей беседе все время говорим об актерах и ни слова не обмолвились об артистах. Ведь артист — это высшая ступень профессионального мастерства, это филигранная техника, дающая одухотворенность таланта, это высокая идейность и высокая куль-

Где же ваша художественная гражданственность?

В. ЛАНСКОЙ:

— Да, бесспорно, сноровкой успокоенности существует в театре. Помните, у поэта: «Самое страшное в мире — это быть успокоенным». Но это равнодушие идет от неведения. В этом во многом повинны мы, старшие товарищи. Наше снисходительное отношение к молодежи, привычка в любом начинании молодых видеть фронду, скептическое «когда кони съедят — они будут копеечными», — все это ведет к заурядности молодых, неверию в свои силы, а отсюда — один шаг к равнодушию.

Э. ЯНСОНАС:

— Недавно я в троллейбусе слышала, как одна бабушка жаловалась, что красивые розы на выставке цветов были совсем без аромата. Ее собеседница ответила: «Откуда быть аромату, если розы цветут под пленкой, растут на искусственном питании, не знают, что такое солнце, дождь, ветер, пчела, навоз? Не так ли и с актерами? Вы помните, в Москве, во ВТО раньше проводились вечера несыгранных ролей. Помню, именно там Г. Бортников по-

во всяком случае, к разговору на эту тему он уже не возвращается — испугался. Или же подходит юная актриса: «Виталий Викторович, я хочу сыграть Нину в «Маскараде» (или Джульетту, или Катерину в «Грозе» — не важно). «Хорошо, прочтите, пожалуйста, любой монолог». «Да, выделите, я не выучилась... Я еще не готовилась». Вот так. А сколько трудов стоило создать театр фойе! Теперь хорошо — почувствовали вкус, а вначале было только Д. Яковичичте да один или два единичные моменты. Поэтому-то меня так радует, скажем, творческое решение А. Владимировой, своим энтузиазмом заражающего других, ставящего спектакль, подчас не зная, войдет ли он в репертуар или нет; или же столь популярный спектакль «Точка зрения», который поставил М. Евадокимов... Именно поэтому я считаю своевременной организацию курса актерского мастерства для нашего театра при Госконсерватории. За четыре года студентов можно привалить к театру, к жизни, попытаться научить любить искусство в себе, а не себя в искусстве, надо стремиться развивать в них — а они на курс приходят уже сформировавшимися людьми,

со своим мнением о жизни и театре (акселерация) — позитивность, зоркий взгляд, чуткость к людям, научить их мыслить глобальнее, что ли.

Э. ЯНСОНАС:

— Год назад Центральный Комитет КПСС принял постановление «О работе с творческой молодежью». В свете этого решения нашим театрам сделано действительно немало, что показало недавнее совещание по этому вопросу, проведенное ЦК комсомола Литвы (правда, больших успехов, на мой взгляд, достигли писатели, поэты, художники, артисты оперы и балета республики). И все же очень уж хотелось бы увидеть на сцене спектакли о рабочем классе (сродни «Премии», «Человеку со стороны»), о колхозной деревне, о нашем революционном прошлом (как «Оптимистическая трагедия», поставленная в Клайпеде пятнадцать лет назад, и в Шяуляй теперь), спектакли активной слои которых стали бы молодые артисты. Хотелось бы видеть спектакли высокого гражданского накала, спектакли, отвечающие масштабу и остроте проблем нашей жизни, — а ведь их ставить, в них играть молодым.

В. ЛАНСКОЙ:

— Не думайте, что мы этого хотим, а эти анекдотические театры не хотят. Но создание спектаклей — дело очень сложное. Нужно, во-первых, пьеса, в которой намал бы отражение самые существенные явления нашей жизни, новые духовные ценности социалистического и коммунистического общества. Дайте мне эту пьесу. Ну положим, вы мне ее дадите. Начнем думать, кому из режиссеров нашего театра — И. Петрову, А. Лепелюсу или В. Ланскому — ее ставить. Ведь необходима внутренняя человеческая и художественная связь режиссера и пьесы: нужно, чтобы режиссер мог, хотел и имел право ставить такое произведение. Дальше возникает проблема актера, его возможностей в той или иной роли. И т. д. — проблемы без конца. Но начало — в пьесе, в драматургии. Мы сейчас выпустили «Скутаревского» А. Леонова, в котором, кстати, участвуют и наши атороурики. Этот сложный по своим проблемам спектакль классика советской литературы мы посвятили славному юбилею Октябрьской революции. После «Скутаревского» я буду ставить «Свободную тему» А. Чхидзе (его «Дело передается в суд» у нас уже было) — это пьеса о принципиальности, честности, искренности нашей молодежи. Ну, и ровно через год, а нас, видимо, пригласил на «Короля Лира». Вот тогда мы и продолжим наш разговор о классике и о молодежи.